

Интервью с Максимом Соколовым,

обозревателем газеты “Известия”

– Как Вы представляете себе общественное мнение, общественное сознание? Для Вас это сумма индивидуальных мнений, некое арифметическое среднее – либо это что-то существующее как бы само по себе, имеющее отдельную субъектность?

– Скорее, второе. Среднее арифметическое по определению логики не имеет: сегодня оно одно, завтра – второе, послезавтра – третье; тогда как при взгляде на опросы все время пытаешься понять какую-то внутреннюю логику: почему на этот вопрос такой ответ, а на этот – такой. То есть возникает желание относительно непротиворечиво увязать разные ответы на разные вопросы, что поневоле предполагает допущение какой-то субъектности. Мыслится какой-то субъект, у которого так устроена душа, что он свою душу выражает в виде ответов на разные вопросы.

– Лично у Вас есть какой-то образ этого субъекта, Вы его себе представляете?

– Если Вы имеете в виду антропоморфный образ, то нет. Собственно, я тоже в известной степени яв-

ляюсь частью этого субъекта. Скорее, это образ мысли, склад души.

– А у этого общественного мнения и сознания есть какие-то общие черты, качества, которые проявляются в этих опросах, но существуют как бы сами по себе? Как Вы их видите?

– Какие-то общие свойства, очевидно, есть, коль скоро мы начали говорить именно про особого субъекта со своей особой логикой, особым мирозерцанием. Какие?

В основном объясняющиеся общей слабостью человеческой. Не знаю, кто здесь причиной – социологи, которые так ставят вопрос, или граждане, которые так отвечают, – но почти всегда у очень большого количества опрошенных отсутствует такое соображение:

а сколько это удовольствие будет стоить? Как правило, когда социолог спрашивает, как сделать, так или эдак, цену вопроса отвечающий всегда выносит за скобки, что дает забавный эффект.

– Можно предположить, что этому субъекту под названием “общественное сознание” такая мысль в голову не приходит?

– Если специально не напоминать. Если напомнить, то может прийти, хотя, по некоторым моим наблюдениям, это понятие – цена вопроса – часто дается нам с большим трудом. Если специально напомнить о цене вопроса, это рассматривается как проявление жестокости, меркантильности, бездушности и т. д.

– Вы бывали в разных странах – как Вы думаете, это общечеловеческое или наше? А если это наше, то это укоренено в культуре или рождено последним несчастным XX веком в России?

– Я особо не смотрел тамошних соцопросов, может быть, там тоже было бы что-нибудь интересное. Если же говорить о житейских наблюдениях, то давно уже, больше 10 лет назад, у меня был разговор в немецкой компании, где речь зашла об эмигрантах. И я посетовал на такую трудность эмигрантской жизни, как культурно чуждые дети, то есть дети, для которых тексты на русском языке и даже сам русский язык значат мало или вообще ничего не значат. На что мне кто-то возразил: это же естественно, они выбрали такую судьбу – за это надо

платить. Представление, что за свой выбор человек должен платить, действительно, как мне показалось, более свойственно немецкой среде, нежели русской.

– А Вам свойственна такая мысль? Вы являетесь в этом смысле типичным представителем общественного мнения или сознания?

– Стараюсь не являться.

– А как у Вас появилось это качество? Или это всегда было: Вы думаете, чем приходится за выбор платить?

– Еще при советской власти в различных беседах возникал вопрос о том, что само по себе устранение коммунистов всех вопросов не решит и даже породит новые серьезные проблемы. И разговоры зачастую велись в таком ключе: надо это также иметь в виду. Повторяю, это было еще при советской власти: говоря о желательности избавления от коммунистов, надо ответственно подходить к цене вопроса, и раз я сказал, что я готов, значит, я готов и платить за это удовольствие.

Но именно поэтому, в частности, у меня достаточно спокойное отношение к многочисленным язвам посткоммунистической истории, отчасти поэтому мне чуждо нечто такое: ах, ах, кто бы мог подумать, как нас грязно обманули! В конце концов, если 25 лет назад велись соответствующие разговоры, значит, надо за эти разговоры отвечать.

– Может быть, понятие “цена вопроса” – это иначе сформулированное понятие ответственности за поступки?

– Не обязательно ответственности. Допустим, если мне цена вопроса представляется неприемлемой, я

могу сказать: извините, мне это не по карману.

– Но тогда все равно Вы отвечаете за Ваш поступок, хотя бы и негативный. Тогда терпите, что есть, раз ты не согласен на перемены. А есть ли еще такие же яркие общие черты общественного сознания?

– У меня нет систематических наблюдений. Но, например, одну вещь я заметил. Правда, это относится не к общественному сознанию вообще, может быть, это свойство регулярных радиоопросов “Эха Москвы”... Я понимаю, что с социологической точки зрения их ценность невелика, здесь можно уловить только самые общие тенденции и только качественного, но никак не количественного свойства. Но в смысле качественного довольно интересно, что слушатели “Эха Москвы” – причем их ядерная аудитория, либеральная – более или менее исправно решают лишь одноходовки. Даже по тем вопросам, на которые им уже давались разжеванные ответы. Условно говоря: демократия – хорошо, авторитаризм – плохо; либерализм – хорошо, Путин – плохо; российские обычаи – вредные, западные – полезные. Они могут воспроизводить некоторые уже донесенные до них готовые мнения, но если задается вопрос, который специально не разжевывался, то тут граждане начинают плыть и дают ответы, порой совершенно не отличающиеся от тех, которые дают представители вовсе не продвинутой, а скорее, глубоко реакционной аудитории. Здесь получается, что таблица умножения была вдолблена, но самому процессу умножения в таком университете демократии, которым является “Эхо...”, не научи-

ли. Люди помнят какие-то фрагменты таблицы умножения, каковым были посвящены специальные передачи, но если дать им два числа и попросить перемножить в столбик, начинается черт-те что. Это, я думаю, тоже относится к разряду слабости человеческой – воспроизводить вдалбливаемые мнения, вдалбливаемые пропагандой, культурой, традицией.

– Так с чем связана такая черта? Последствием чего она является, кроме общей слабости человеческой?

– Может быть, она является еще последствием того обстоятельства, что массовые социологические опросы вынужденно скородумны. Сколько времени занимает сама процедура “вопрос – ответ”? Какие-то минуты. А ведь ряд вопросов действительно требует того, чтобы человек заперся у себя в комнате, много думал, прикидывал так и эдак, в общем, подвергал себя сильному умственному напряжению. Чтобы полторы тысячи человек заперлись каждый в своей отдельной комнате и каждый много думал – мне кажется, это технически довольно затруднительно. Поэтому люди отвечают, не слишком думая, и винить их в этом было бы несправедливо.

– Однако Вы сказали, что некоторая безответственность или неумение думать о цене вопроса свойственны скорее самому сознанию. То есть безответственность возникает не в ситуации массового опроса, а вообще присуща людям, потому что они сами по себе не очень-то думают (запись они или нет).

– Как сказать, есть разные сферы. Есть такие сферы, где думать

принято. Если вы корову покупаете или – в современном варианте – автомобиль, то, как правило, человек очень даже много думает и о цене вопроса, и чешет репу, и сравнивает разные доводы за и против; думает, и даже весьма. И разные житейские решения – работу переменить, в другое место переехать – как правило, все-таки люди принимают после серьезных ответственных раздумий, а не просто: все побежали, и я побежал. Очевидно, здесь скорее такое состояние ума, когда при покупке коровы думать необходимо, а при политическом выборе или просто ответе на вопрос общественно-политического свойства, который не связан напрямую с твоими личными обстоятельствами, проблемами, благосостоянием, думать особо и не надо.

– Как может измениться положение к лучшему в нашем обществе именно по этому параметру? Или это такое качество, которое надо просто иметь в виду?

– При конкурентной политической системе, когда власть регуляр-

с конкретной коровой, которую гражданину предлагается купить. Одни говорят: мы будем меньше брать с тебя налогов – ты купишь себе превосходную корову. Другие говорят: мы будем брать с тебя больше налогов – но ты будешь доить превосходную общественную корову. Действительно, все время идет апелляция к частному интересу. У этого процесса есть масса недостатков, человек часто довольно фантастическим образом связывает общественный и личный интерес, но тем не менее увязка есть. Особенность нашего нынешнего состояния – в том, что почти никакой увязки как раз нет. Ну хоть известная особенность путинского феномена. Когда мы видим путинское большинство во всей его умилности и премногодовольности (смотри беседу Святейшего патриарха с прихожанами в Великую субботу) – мы ни в чем не нуждаемся. Если отвлечься от проблем Путина и задавать конкретные вопросы – про корову, про жилье, про автомобиль, – то будет идти сплошное “гав-гав-гав” от тех же

теоретические социологические построения играют в этой деятельности какую-то роль? Доводилось ли к этому обращаться? Если да, то зачем, с какой целью?

– Как там было у Солженицына во второй главе “Архипелага”: “Иногда прочтешь в газете статейку и дивишься ей до головокружения”. Вот тоже так: смотришь какую-нибудь новостную ленту, натыкаешься на какой-нибудь соцопрос – и дивишься ему до невероятия. Начинаешь смотреть дальше, искать подробности, изучать, сравнивать – скорее так. Тут еще многое идет от любопытства, даже абстрактного любопытства. Потому что, скажем, те данные соцопросов, которые мы можем видеть в газетах, в новостных лентах, на экране телевизора, предполагают, что они уже представляют собой готовый ответ на то, что происходит. Это какой-то показатель вроде градусника, по которому сразу можно понять, какие идут воспалительные процессы или что на улице – тепло или холодно.

А соцопрос – это только намек, только повод для того, чтобы взяться разгадывать ребус общественного сознания. Потому что в действительности это величайший вопрос – что на самом деле значат какие-то цифры, из чего они складываются, что они отражают. И все эти социологические данные дают повод для определенных спекуляций, размышлений, то есть они – только приглашение к рассуждению. Они не являются ценной информацией, которая позволяет о чем-то судить и рядить, – они являются поводом для раздумий, чем и полезны.

– А как чаще бывает: глядя на данные, Вы внутренне согла-

Это относится к разряду слабости человеческой – воспринимать мнения, вдалбливаемые пропагандой, культурой, традицией

но меняется, процесс перемены власти связан с тем, что те, кто ее домогается, стремятся завоевать благосклонность сограждан, говоря им разные приятные вещи про себя и неприятные – про оппонента. Скажем, демократический политический процесс – это в огромной степени стремление увязать общеполитические проблемы

самых людей. Очевидно, всемерная удовлетворенность Путиным – это одно, а тотальная неудовлетворенность российским бытом – это другое.

– Вы занимаетесь общественной и политической публицистикой уже не первый десяток лет. Социологические исследования, или данные опросов, или

шаетесь с ними и как-то начинаете их развивать, либо они Вас удивляют, вызывают внутреннее рассогласование Вашей картины мира?

– Чаще удивляют. Бывают опросы по таким предметам, суть которых – общественное согласие. Есть, хоть и не очень много, тем и сюжетов, в оценке которых наше общество более или менее согласное. По большинству вопросов согласия не наблюдается не только в обществе, а еще и в каждой отдельно взятой голове, поэтому и результаты опросов часто бывают удивительными и заставляющими задуматься: а что на самом деле граждане имели в виду? Тем более что довольно часто социологи не облегчают задачу и тем людям, которых они опрашивают, и тем, которые потом смотрят результаты опросов. Я имею в виду тот случай, когда опросник столь неряшливый, что интерпретировать полученные результаты можно как угодно.

– Неряшливый – как это понимать?

– Есть разные виды вопросов, лучше об этом прочесть в памятке заводского социолога. Бывают вопросы типа: давно ли ты бросил пить коньяк по утрам? Бывают вопросы типа: что Вы больше любите – говядину или свинину? Как тут быть вегетарианцу – не очень понятно. Бывают закрытые вопросники. Бывают пересекающиеся ответы типа: какая обувь у вас есть в доме – мужская, женская, резиновая? Как отвечать? В общем-то, неряшливость достаточно велика, при этом характерно, что иногда – из соображений работы на конкретного заказчика, иногда – просто из соображений объема для

публикации. И без того не очень качественный опрос при отправке в газеты дополнительно урезается, и получается совсем невесело что.

– Есть ли такие темы, которые Вам лично были бы очень интересны? Была бы Ваша воля, поставили бы задачу перед социологами – провести опрос на какие-то темы?

Сама процедура “вопрос – ответ” занимает какие-то минуты. Но ряд вопросов требуют того, чтобы человек заперся у себя в комнате, много думал, подвергал себя сильному умственному напряжению

– Я об этом не думал.

– Но Вы сказали, что результаты имеющихся опросов Вас не очень устраивают, они очень часто такие, что по ним не поймешь, что же там на самом деле.

– Но я при этом осознаю свое собственное несовершенство – критиковать-то легче. Для того чтобы составить грамотный опросник, надо превзойти многие премудрости.

– Да, но есть ли темы или аспекты общественного мнения и сознания, представления людей о мире, о которых Вы бы хотели узнать – и не можете это сделать, вот Вам хочется – а не можете, нет таких данных?

– Да, они есть, социологи работают много, плодотворно. Существует очень большой корпус опросов, они дают достаточно обширную сетку наблюдений, по которой эти опросы при всем своем несовершенстве позволяют что-то примерно представить. Мне как-то трудно придумать такой вопрос,

который открывает принципиально новую сферу явлений общественной и духовной жизни, которая как белое пятно, куда еще никто не залазил. Всюду залазили. Вопрос в том, с какой степенью аккуратности, с какой степенью точности, но более или менее залазили... Вкус моря можно отвесть одним хлебком.

– Когда Вы читаете новостные ленты, знакомитесь с тем, что произошло, Вас больше интересуют события или реакция на них, по которой можно судить о состоянии общественных представлений о мире?

– Это неотделимо одно от другого. Почти каждое событие до известной степени отражает и состояние умов. Тем более уж раз случилось событие, если оно сколько-нибудь значимо – пойдет на него реакция, которая будет свидетельствовать о состоянии умов. Практически всякая газетная заметка у нас такова. По крайней мере здесь, в России, где принято часто смешивать факты и мнения. Так что здесь я не стал бы проводить такого четкого различия. То есть всякое событие – в некотором роде событийный повод для того, чтобы граждане выразили свое мировоззрение, что они и делают.

– Как соотносятся Ваши профессиональные занятия с общественными мнениями и общественными представлениями?

– Моя профессия – газетный обозреватель, как якутский возница: что вижу, о том и пою. Наверное, я интересен в той мере, в какой мои заметки и наблюдения представляют общественный интерес.

– А смысл Вашей профессии – почему она существует? Ведь она очень востребованная, эти тексты читают – почему и зачем?

– Думаю, потому, что люди бывают склонны как-то объяснять окружающую действительность, находить в ней какие-то закономерности. Люди, даже самые простые и не книжные, собираясь за чашкой чая, за рюмкой и т. д., в своих беседах пытаются что-то генерализировать, найти общие тенденции, общую закономерность. Очевидно, это в человеческой природе, и если у кого-то лучше, профессиональнее получается обобщать эти закономерности природы и общественной жизни, то в силу названной особенности человеческой природы такие

таблицы, графики, словесные отчеты. Какие формы Вы предпочитаете, когда знакомитесь с данными?

– Пожалуй, словесные отчеты.

– Я думал, что слова – это то, что Вы рождаете.

– В словесных отчетах больше зацепок, больше информации, больше возможностей увидеть где-то ошибку или просто что-то понять. Графики же по своей природе придуманы для того, чтобы дурить голову начальнику. Чтобы впарить что-то начальнику, нужно ему на одной страничке написать любой бред, главное – чтобы там был красивый и убедительный график с секторами. Это делается для извлечения из начальства рублей и крестов. А с точки зрения познания жизни это как-то не очень...

– А мощные таблицы?

– С мощными таблицами, такими простынями, нужен достаточно хороший профессиональный навык,

– Наверное, лень ума, непоследовательность, склонность недодумывать. Но это, опять же, из области слабости человеческой.

– Ничего специфического для нашего богоспасаемого отечества?

– Мне трудно ответить на этот вопрос, потому что подавляющее большинство соцопросов, которые мне приходилось смотреть и над которыми доводилось размышлять, касались нашей страны и наших людей. Говоря социологическим языком, у меня нет репрезентативной выборки, чтобы выносить какие-то суждения о немцах, англичанах, итальянцах, поляках и т. д.

– Есть ли ситуации, где Вы испытываете чувство раздражения, думая о чертах этого странного субъекта – общественных представлений?

– Например, мой коллега Леонид Александрович Радзиховский впал в полное уныние по поводу грязного эховского опроса (все-таки эховские опросы совсем грязные – в химическом смысле), по результатам которого оказалось, что 27% ответивших относятся с пониманием, большим или меньшим, к деяниям скинхедов. Я понимаю, что опрос химически грязный, но какую-то часть реальности он отражает, поэтому здесь надо испытывать неприятные чувства. Не могу сказать, чтобы мне импонировали относительно высокие доли симпатизирующих товарищу Сталину. Много есть таких вещей, которые меня совершенно не радуют, но я думаю, что живи я в другой стране, у меня и там была бы масса поводов не радоваться. Наверное, умножая знания, умножают скорбь.

Особенность нашего нынешнего состояния – в том, что почти никакой увязки общественного и личного интереса у граждан нет

люди оказываются в большей или меньшей степени востребованы.

– Ваше занятие – это занятие по изложению в адекватной форме этих общественных закономерностей, их сути?

– Наверно, да. Любая беседа в пивной, как правило, не сводится к сообщению каких-то фактов – она сводится еще к попытке какой-то генерализации, это в натуре человеческой.

– Результаты опросов представлены по-разному – есть

то есть нужно иметь насмотренный глаз. Это как если вы даете партитуру искусному дирижеру и, скажем, человеку с улицы, имеющему представление о нотной грамоте: если он не Герберт фон Караян, то ему будет непросто.

– Есть ли для Вас какие-то загадочные, непонятные, неприемлемые вещи в общественном сознании? Раз мы сказали, что это нечто целое, значит, у него есть присущие ему черты и механизмы.

– Вы внутренне понимаете этого субъекта – субъекта общественного мнения, о котором мы говорили?

– Мой опыт сельских трудов насчитывает уже 15 лет – с тех пор как я обзавелся землей и начал строиться. Я могу сказать, что за эти 15 лет у меня произошел определенный прогресс во взаимопонимании с поселянами, имеется в виду – в уразумении особенностей склада ума, норм обычного права, а также некоторых представлений о природе и общественной жизни, свойственных поселянам. Сейчас, после 15 лет, какой-то прогресс есть, но все равно я остаюсь в образе чудаковатого либерального барина, что кладет определенный предел нашему единению со словий. Я думаю, что в большем смысле мне следует достаточно самокритично относиться к степени нашего взаимопонимания.

– Так надо относиться, и Вы так относитесь. Но у Вас возникает чувство какого-то понимания народной души или чего-то общего для нашего населения? Если это так, то Вы можете думать, что способны предсказать мнения людей по поводу происходящего.

– В общем, да, потому что в связи с моим предыдущим ответом нужно различать полное взаимопонимание вплоть до слияния – и взаимопонимание, то есть нужно различать слияние и понимание.

– А Вам доводилось за последнее время так думать: что-то произошло, и Вы прикидываете, как на это отреагируют, как это будет понято населением, – и угадываете или не угадываете? Такой ход мышлений Вам свойствен?

– Да, даже просто рассуждая, скажем, о действиях власти, нужно включать в размышления непрременную прикидку того, как сограждане отреагируют на то или иное ее действие – или бездействие. Скажем, когда вопрос ставится так: берет ли в расчет

создание проблем на ровном месте, что это типичное политехнологическое шарлатанство, которое впарили радостно начальникам. То есть мысль, что от этого произойдет необычайное благорастворение воздушных и избытие

Соцопрос – это только повод для того, чтобы взяться разгадывать ребус общественного сознания. Его данные не являются информацией, которая позволяет о чем-то судить, – они являются поводом для раздумий, чем и полезны

Кремль народную реакцию на то или иное событие, народное мнение? Очевидно, для того чтобы рассуждать на эту тему, нужно хотя бы примерно представлять себе, какова же будет эта народная реакция.

– Когда Вы это представляете, Вы чаще более или менее угадываете – или Вам случалось крепко промахиваться?

– Наверное, и так, и так. Чтобы была стопроцентная промашка, просто совсем пальцем в небо – сейчас не припомню. Случаи угадывания были. Один случай угадывания – это как раз дело Щербинского, автомобилиста, которого хотели сперва засудить в деле с Евдокимовым, затем триумфально оправдали. Здесь для меня было совершенно очевидно, что перейдена красная полоса и нужно давать задний ход, и чем скорее – тем лучше, потому что здесь затронута весьма чувствительная сторона. Другой пример, где вроде бы тоже что-то удалось угадать, это эпопея с советским гимном.

– Что же Вы угадали?

– Что геморроя от этого будет много, а в смысле профитов – ноль целых ноль десятых; что это

плодов земных, а также необычайная любовь к начальству, – да ничего подобного.

– То, что социологические рассуждения и данные публикуются и как-то читаются, оказывает какое-то впечатление на общество?

– Разумеется, оказывает. Дело в том, что сама по себе формула “потому что все оттенки смысла умное число передает” – она какая-то очень уж оптимистическая. Но граждане склонны думать: я не знаю, как там другие, но мне-то оно все оттенки смысла точно передает. Каждый думает, что если он видит какую-то цифирь, то он ее глубоко понимает. Подача цифири – это риторический прием, домогательство благосклонности: ты, друг мой, умный, ты поймешь.

– Никогда об этом так не думал. Наверное, Вы правы.

– Кстати, еще один из соблазнов составления всяких рейтингов: ты умный – ты поймешь; то есть цифирь – это ты и я, мы же умные, и под таким соусом можно впарить все что угодно.

– Хорошо, спасибо большое.

Интервью провел Л. Блехер